

Белоусов Р.

«Вспоминаю очи ясные...»

[Некрасов и Панаева]

Здоровье Некрасова давно уже было никудышным. Врачи, в том числе и европейские светила, не раз приговаривали к самому худшему. Многие годы преследовала его болезнь горла. Когда она усиливалась, Некрасов делался до крайности раздражительным, капризным, особенно нетерпимым. Тогда голос, и без того слабый, пропадал совершенно и он пугался, что совсем потеряет его и онемееет.

Доктора предписывали вести правильный образ жизни, соблюдать режим, меньше работать, а главное, не ездить в клуб, оставить ночную игру в карты, соблюдать диету.

Если советы эскулапов и лекарства не помогали и самочувствие не улучшалось, он бросал принимать пилюли, нарушал диету, с аппетитом поглощая кушанья и вина, уверяя, что все это только на пользу. Нарушая запрет, выходил в мороз на улицу, рискуя еще больше простудить горло, ездил в клуб, заверяя, что ему необходимо отвлечься, притупить нервы, и что ломберный стол успокаивает его лучше всякой микстуры.

То, наоборот, впадал в противоположную крайность и, почувствовав мало-мальское ухудшение, начинал морить себя голодом, кутался в помещении, делался нелюдимым и избегал гостей.

В последнее время здоровье его совсем развинтилось — нестерпимо ломило спину, мучили адские боли в желудке. Он катастрофически худел, голос почти пропал. Некрасов мало говорил, скоро утомлялся и подолгу лежал в постели. Писать почти уже не мог, только читал. И вспоминал минувшее. Не потому, что был сентиментальным и в прошлом искал утешения и забвения, а оттого, что испытывал чувство вины, особенно обострившееся теперь, на склоне лет, перед вечной дорогой.

Память воскрешала летопись его переболевшего сердца, и он звал

...ее желанную:
Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Впервые Некрасов увидел ее зимой 1842 года. Его, двадцатидвухлетнего начинающего литератора, поденщика, сочинявшего ради заработка, привел на квартиру к Ивану Ивановичу Панаеву Белинский, обладавший даром угадывать таланты.

Панаевы тогда еще жили у Пяти Углов против Коммерческого училища, и у них часто собирались. В тот вечер был Василий Петрович Боткин, приехавший из Москвы известный критик и переводчик, и кое-кто еще.

Когда в залу вошла нарядная, эффектная брюнетка — хозяйка дома — и Панаев представил Авдотью Яковлевну, Некрасов как-то весь сразу стушевался, не знал, куда девать руки, то и дело машинально тербил едва пробивавшиеся усы.

Таким он запомнился ей в эту первую их встречу — сконфуженным, неловким, болезненного вида, с манерами несветского человека.

Авдотья Яковлевна была почти тремя годами старше Некрасова и на семь лет моложе своего мужа. Происходила она из актерской семьи, собиралась быть актрисой, но, выйдя в девятнадцать лет за богатого Панаева, оставила мечты о театре, избрав роль хозяйки гостеприимного дома. О ней тогда говорили как об одной из самых красивых женщин Петербурга. К тому же была она чрезвычайно умна, добра, отзывчива на чужую беду, любезна и кокетлива. Вокруг нее вращался целый хоромод знаменитостей, самые замечательные люди той эпохи — Герцен и Белинский, Тургенев и Достоевский,

Чернышевский и Добролюбов — все бывали тут. Как скажут позже, ее гостиная, а вернее, столовая, была русским Олимпом, где изрядно было выпито чаю и съедено великолепных обедов.

В Авдотью Яковлевну нельзя было не влюбиться.

Некрасова она покорила сразу и навсегда.

Так начался их любовный поединок. Панаева долго не отвечала на его чувство, не хотела ему верить. Некрасов был в отчаянии, молил о благосклонности, чуть не утопился. Но упорствовал в достижении цели — таков был и в литературной жизни, и в личной. Так продолжалось несколько лет до совместной их поездки в мае 1846 в Казанскую губернию, где у Панаева было небольшое имение, доставшееся ему не так давно по наследству от дальнего родственника.

Барского дома здесь не было, и потому они все трое остановились у соседа-помещика, знакомого Панаева, в деревне Ново-Спасское.

Хозяева, вспоминала Авдотья Яковлевна, старались предоставить своим гостям все удобства деревенских развлечений и полную свободу проводить время кто как желал: Некрасов охотился, Панаев, любитель длинных прогулок, выхаживал по 25 верст и был в восхищении от живописных видов в окрестностях. Авдотья Яковлевна ездила верхом и удила рыбу. Все много читали, благо книг и журналов было вдоволь, а за обедом и ужином, когда собирались вместе, завязывались жаркие разговоры о разных тогдашних проблемах.

Здесь, в имении, Некрасов и Панаев договорились совместно выпускать журнал, будущий «Современник», и обсудили вопрос о денежных средствах на его издание. Здесь же Авдотья Яковлевна наконец избавилась от подозрительности к Некрасову, поверила его чувству. Спустя несколько лет он вспоминал:

Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,
И как и верила, и колебалась снова,
И как поверила вполне!

Вся последующая его жизнь, долгие два десятилетия, прошли в большей или меньшей близости к Авдотье Яковлевне. Она была его гражданской женой, другом, хозяйкой их литературного салона, наконец, соавтором — они вместе написали несколько романов.

С мужем Панаева рассталась сравнительно легко и считала себя морально правой. Дело в том, что Панаев отличался легкомысленным характером, славился редким волокитством, слыл франтом и мотом. И все же разрыв с женой он пережил тяжело. Впрочем, скоро смирился и вполне по-добрососедски жил в одной квартире с Некрасовым и Авдотьей Яковлевной. А когда оглянулся на свою угарную жизнь, то увидел, что сам себе был врагом и в своем физическом и духовном банкротстве виноват один он.

В пятьдесят лет, когда-то легкий и беспечный, Панаев превратился в мрачного и раздражительного ипохондрика. Роковым образом на его здоровье повлияли постоянные неприятности и литературные дразги, свидетельствует в своих воспоминаниях Панаева.

Врачи нашли у него порок сердца. И однажды оно не выдержало — он скончался на руках Авдотьи Яковлевны, успев в последнюю минуту испросить у нее прощения.

А как сложилась ее судьба? Принесла ли ей счастье любовь поэта?

Здесь не может быть однозначного ответа. Совместная жизнь отнюдь не походила на безмятежное существование. Напротив, как говорил сам Некрасов, она «текла мятежно».

Первое время поэт был «влюблен и счастлив», потом стали случаться периоды охлаждения и даже доходило до разрыва. А затем снова возвращался — влюбленный, умоляя:

Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

И она прощала. Хотя была истерзана его подозрительностью, безосновательной, напрасной — он был чудовищно ревнив. Авдотья Яковлевна любила страстно, беззаветно,

порой ненавидела, проклинала — и снова любила. Некрасов сознавал, что бывает несправедлив, особенно когда свои неудачи, литературные и житейские, вымещал на ней, стыдился себя, называл свое поведение «постыдным порывом». И, восхищаясь ее долго-терпением, ее жертвенностью во имя изнурительно трудной любви, с редким для него откровением писал:

Тяжелый крест достался ей на долю —
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Все отдала, — тот стал ее палач!

Знакомые сочувствовали ей, жалели ее, называли бедной женщиной, страдалицей. Недруги поэта обвиняли его в жестоком эгоизме, в тиранстве. Но ни советы здравомыслящих друзей, ни наговоры врагов не в состоянии были лишить их взаимного тяготения. Их темпераменты не могли обходиться один без другого, и они, словно замороженные, тянулись друг к другу.

Что касается поведения Некрасова, то к нему, видимо, надо относиться так, как написал об этом К. Чуковский, посвятивший отношениям поэта с Авдотьей Яковлевной целый психологический этюд. Никому не нужен выдуманный, приукрашенный Некрасов. Он был живой человек и этим для нас гораздо ближе, чем если бы в угоду иным «пуританам» и «моралистам» его изображали бы таким вместилищем всех добродетелей.

Между тем шли годы, оба они старели. И вот ей уже за сорок. Красота ее была на излете. Погас румянец на матовом лице, бархатный голос терял свое очарование

Она и раньше мечтала о тихой пристани, о простом семейном счастье. Ее преследовал ужас бездетности, двое детей — от Панаева и Некрасова — родились мертвыми. Неисчерпанная материнская нежность требовала удовлетворения. И однажды чаша переполнилась. Она решилась. Оставила Некрасова, вышла замуж, родила дочь и отдалась ее воспитанию.

Оба тягостно переживали окончательный разрыв. Но, должно быть, пришли к согласию — так будет лучше для обоих, хотя он, и разлучившись, продолжал любить ее и ревновать. Свои чувства Некрасов излил в «Трех элегиях» — последних обращенных к ней словах, ставших поэтическим эпилогом их любви. Стихи эти подкупают искренностью, обнаженностью страсти. Впрочем, это в равной мере относится ко всем его стихам, посвященным Панаевой.

Обычно Некрасов не всегда бывал откровенен, особенно в том, что касалось его личного мира. Но в любовной лирике он предельно правдив — до саморазоблачения, до самоунижения. Хотя таких стихов сравнительно немного, в них запечатлена сердечная драма; это летопись долгой, мучительной борьбы двух характеров, их любовного поединка, в котором не было победителя и не было побежденного.

...Перебирая в памяти страницы этой летописи, мучимый жгучими воспоминаниями, больной поэт искал утешения в строках, воспевающих возлюбленную:

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.